

УДК 94:325.2(=161.1):94(430)«192»

**ФОРМИРОВАНИЕ И АДАПТАЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ГЕРМАНИИ В 1920-е ГОДЫ****канд. ист. наук, доц. О.В. МАРЧЕНКО****(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)**

Рассматривается жизнедеятельность русской эмиграции в Германии в 1920-е годы. Анализируются источники комплектования рядов ее диаспоры, причины, побудившие выходцев из России покинуть пределы своей исторической родины. Особое внимание уделяется освещению процесса адаптации русских эмигрантов в Германии. Показаны факторы, свидетельствующие о том, что адаптация, несмотря на определенные сложности, в начале 1920-х гг. проходила в данной стране в более благоприятных условиях, чем в других европейских государствах. Однако ее территория не стала для большинства выходцев из России местом постоянного проживания, и они в поисках лучшей доли были вынуждены уезжать в различные регионы мира. Подчеркивается, что этому способствовали экономические трудности, факты вмешательства русских эмигрантов во внутренние дела Германии, а также интенсивное развитие советско-германских отношений в русле Рапалльского процесса в изучаемый период.

Ключевые слова: русская эмиграция, адаптация, правовой статус, Германия, Советская Россия, советско-германские отношения, эмигрантские общественные организации.

Введение. В результате социально-политических процессов, произошедших на территории бывшей Российской империи в ходе гражданской войны, определенная часть населения – порядка 2 млн человек – покинула ее пределы и стала расселяться в различные регионы мира. Эмиграция из России носила добровольно-вынужденный характер. Представители различных слоев населения уезжали по своей воле, так как не хотели воспринимать перемены, произошедшие у них на родине. Германия в начале 1920-х гг. являлась крупнейшим центром сосредоточения русской диаспоры в Западной Европе. На ее территории в 1920 г. проживало 560 тыс. эмигрантов, но уже к 1928 г. их численность уменьшилась до 150 тыс. человек [1, с. 97]. Однако приведенные выше данные отражают приблизительный количественный состав русской диаспоры. Это связано с тем, что в Германии в начале 1920-х гг. в недостаточной степени была налажена система обязательной регистрации выходцев из России со стороны немецких властей. Она не осуществлялась и представителями русских общественных эмигрантских организаций [2, л. 12 об]. Данное положение дел сохранялось и на всем протяжении 1920-х гг. Это было связано с тем, что Германия рассматривалась многими русскими эмигрантами как временное пристанище. Спустя некоторое время они покидали ее пределы в поисках лучшей доли. Оказавшись в Германии, русским эмигрантам пришлось столкнуться с рядом трудностей, связанных с адаптацией. В советской историографии особенности адаптации выходцев из России в данной стране рассматривались фрагментарно. Так, например, Г.Ф. Барихновским [3], В.В. Коминым [4], Л.К. Шкаренковым [5] приводились факты, касающиеся потоков расселения русских эмигрантов в различные регионы мира, показывалась политика правительственных кругов отдельных государств Европы в их отношении в начале 1920-х гг. Однако в то же время ими не были проанализированы такие важнейшие аспекты адаптации, как специфика правового статуса выходцев из России в Германии в изучаемый период, взаимоотношения с местным населением и др.

В начале 1990-х гг. происходят кардинальные изменения в подходах к изучению первой волны русской эмиграции. Она стала восприниматься как уникальный культурно-исторический феномен новейшей истории России. В результате исследователи стали уделять пристальное внимание проблеме адаптации выходцев из России на чужбине в 1920-е гг. XX века. По мнению В.В. Костикова [6], в Германии в начале 1920-х гг. она проходила в более благоприятных условиях, чем в других государствах Европы. Этому способствовали, во-первых, наличие регулярных культурных контактов между данной страной и Советской Россией, во-вторых, дешевизна предметов потребления.

В российской историографии адаптации русских эмигрантов в различных странах мира посвящены труды С.С. Ипполитова [7], И.В. Сабенниковой [8] и др. Ими были рассмотрены особенности правового статуса выходцев из России в Германии, деятельность ряда эмигрантских общественных организаций по улучшению их положения, однако в недостаточной степени было проанализировано воздействие экономических затруднений, с которыми столкнулось данное государство в 1920-е гг., на жизнедеятельность выходцев из России. Также ими фрагментарно было изучено и влияние советско-германских отношений на положение русской диаспоры. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы затрагивались в трудах таких германских историков, как Г.Э. Фолькман [9], С. Доденхейфт [10] и др.

Основная часть. После окончания гражданской войны в России русская диаспора в Германии формировалась из представителей политических партий, торгово-промышленных кругов, военных, рабочих и крестьян [10, с. 10–11]. Причины, побудившие их покинуть родину, были следующие: лишение собственности, потеря прежнего общественного положения, голод, холод, разруха [11, с. 4]. Также русская диаспора пополнялась и за счет определенной части интеллигенции, которая не сумела принять произошедшие в России перемены [12, с. 8].

Введение политики НЭПа Советской властью способствовало новому притоку русских эмигрантов в Германии. Примечательно, что в это время большевиками был разрешен легальный выезд за рубеж. Он мог быть осуществлен по ходатайству членов советского правительства либо кого-то из авторитетных деятелей РКП(б) [6, с. 39]. В период НЭПа происходит усиление идеологической конфронтации Советской власти с представителями оппозиционных политических партий и интеллигенции, выражавших свое несогласие с проводимой политикой. Широкое распространение получила практика их высылки за границу без права возвращения на родину. В период с 1920 по 1921 гг. за рубежом оказались такие представители русского меньшевизма, как Л.Ю. Мартов, Р.А. Абрамович, Д.Ю. Далин [13, с. 98]. Однако в дальнейшем идеологическое противостояние большевиков и представителей оппозиционных им политических партий продолжилось. В своем письме к Наркомюсту Д.И. Курскому В.И. Ленин требовал усиления проведения репрессий в отношении противников Советской власти – меньшевиков и эсеров [14, с. 396]. Это способствовало тому, что в 1922 г. из Советской России в Германию было выслано 25 деятелей партии меньшевиков, среди которых были Ф.И. Дан, Б.И. Никольский и др. [15, с. 519]. Такая же участь постигла и 200 представителей интеллигенции [6, с. 71]. Следует отметить, что в скором времени практика высылки за границу членов оппозиционных политических партий была отменена большевиками [13, с. 98–99]. В годы НЭПа на территорию Германии эмигрировали и представители различных социальных слоев населения Советской России. Среди них были бывшие царские военные, опасавшиеся репрессий со стороны большевиков; предприниматели, не нашедшие применение своим деловым способностям, и др. [16, с. 46–47].

Пополнялась русская эмиграция в Германии и за счет «невозвращенцев», являвшихся главным образом сотрудниками советских учреждений за рубежом. Большинство из них осталось на чужбине из корыстных побуждений. Однако среди «невозвращенцев» были лица, связанные с зарубежными спецслужбами и антисоветскими эмигрантскими политическими кругами. Боясь возможного разоблачения, они оставались за границей [17, с. 47]. Среди русских эмигрантов в Германии было немало и представителей студенческой молодежи. Они покидали Советскую Россию из-за голода и отсутствия условий, необходимых для дальнейшего профессионального роста. Примечательно, что именно в Германии в 1922 г. образовалась самая крупная колония студентов-эмигрантов во всем русском зарубежье [18, с. 152].

Оказавшись на ее территории, выходцы из России столкнулись с серьезной проблемой, связанной с адаптацией. Наибольшие затруднения у русских эмигрантов вызывал процесс их приспособления к немецкому образу жизни. При этом местное население видело в них непрошенных гостей и старалось не вступать с ними ни в какие связи [19, с. 53, 61]. Следует отметить, что германские власти проводили политику, направленную на ограничение контактов своих подданных с русскими эмигрантами. Согласно немецкому законодательству, женщина, вышедшая замуж за иностранца, юридически лишалась гражданства Германии [12, с. 40]. Существенной проблемой, с которой пришлось столкнуться русским эмигрантам, являлось отсутствие у них четко выраженного правового статуса. Большевиками в «Известиях ВЦИК» от 20 декабря 1921 г. было опубликовано постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Совета Народных Комиссаров (СНК) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) «О лишении прав российского гражданства». Оно было адресовано следующим группам русских эмигрантов: а) пребывающим за границей свыше 5 лет и не получившим от советских представительств заграничных паспортов до 1 июня 1922 г.; б) выехавшим из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения Советской власти; в) добровольно служившим в армиях, сражавшихся против Советской власти. Лица, попавшие под пункты а) и б) могли подавать заявления о восстановлении своих гражданских прав на имя ВЦИК через ближайшие представительства Российской республики [20, с. 63–64].

Сложность положения русских эмигрантов еще осложнялась тем, что германские власти по отношению к ним действовали в рамках советского законодательства [2, л. 2]. Однако его нормы существенно расходились с немецкими. В результате германские власти в отношении к русским эмигрантам в одних случаях руководствовались местным законодательством, а в других – советским [7, с. 47–48].

Важнейшим документом, характеризующим правовое положение гражданина того или иного государства, является паспорт. После заключения советско-германского договора в 1922 г. в Рапалло немецкие власти стали признавать только паспорта, которые были выданы русским эмигрантам в Советской России. Однако после издания германским Министерством внутренних дел закона от 6 июня 1922 г. ситуация коренным образом изменилась. Немецкие власти стали отказываться от практики требования

советских паспортов от русских эмигрантов, так как у большинства из них они отсутствовали. Их стало заменять выдававшееся органами местной полиции краткосрочное свидетельство личности. Однако оно не давало возможности проживать выходцам из России на территории Германии [2, л. 14].

С 1922 г. по инициативе Верховного комиссара по делам русских беженцев Ф. Нансена были введены так называемые «нансеновские паспорта». Они стали заменять русским эмигрантам документ, удостоверяющий личность, выданный им на родине либо в другом государстве. Владельцы «нансеновских паспортов» имели возможность свободно перемещаться по территории различных европейских стран [20, с. 65–66]. Особенностью Германии являлось то, что ее властями было выдано незначительное количество отмеченных выше документов, так как они не проявляли заинтересованности в их широком внедрении [7, с. 59]. Русские эмигранты, которые обладали «нансеновскими паспортами», тем не менее не могли рассчитывать на получение пособий по безработице и инвалидности, а также трудоустроиться [21, с. 28]. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что правительственные круги Веймарской республики осуществляли активную социальную политику. В частности, возросло количество представителей различных социальных групп местного населения, которым государство стало предоставлять страховку от несчастных случаев на производстве и по болезни. Помимо этого, были увеличены и пенсии [22, с. 198, 210–211]. Однако данные меры не распространялись на иностранцев, в том числе и на выходцев из России.

Серьезные проблемы русские эмигранты испытывали и с получением визы, предоставлявшей им возможность на проживание в Германии. Наиболее предпочтительным для них вариантом являлось обладание долговременной визой. Однако основная масса русских эмигрантов была лишена данной возможности. Преимущественно им выдавалась под залог временная виза, позволявшая находиться в Германии в течение 2–3 месяцев. При этом залог не возвращался, если выходцы из России не покидали ее пределы в отмеченный срок. Наихудшим вариантом для них являлась «запретная виза». Ее владельцы не имели особых прав и зачастую высылались из страны [2, л. 14].

Для русских эмигрантов в Германии весьма остро стояла и жилищная проблема. Германскими властями было принято жилищное законодательство, посредством которого был установлен государственный контроль относительно договоров, касающихся найма жилья [19, с. 40]. Безусловно, данное обстоятельство существенно ограничивало свободу передвижения выходцев из России.

Несмотря на экономические затруднения, которые испытывала Германия, адаптация русских эмигрантов на ее территории проходила в более благоприятных условиях, чем в других европейских странах. Немецкие власти были заинтересованы в притоке иностранной дешевой рабочей силы [11, с. 27]. При этом правительственные круги Германии в дальнейшем рассчитывали использовать и силы русских военных эмигрантов для решения своих внешнеполитических задач [9, с. 73–74]. Также территория данной страны привлекала выходцев из России более дешевым уровнем проживания по сравнению с другими европейскими государствами. Помимо этого, между Германией и Советской Россией существовали тесные культурные контакты. Благодаря советской прессе и выступлениям артистов, политических и общественных деятелей выходцы из России имели возможность поддерживать регулярные связи со своей бывшей родиной [7, с. 40, 67]. Германия привлекала русских эмигрантов также и тем, что местные власти не проводили в отношении их ассимиляционную политику [23, с. 184].

Следует отметить, что германские правительственные круги в начале 1920-х гг. весьма благожелательно относились к выходцам из России. Ими были выделены средства на создание лагерей, в которых размещались русские эмигранты. При этом в одних из них находились гражданские и военные лица, а в других – только военные. Примером лагерей первого типа являлся лагерь «Альтенау», в котором на 21 марта 1921 г. проживало 116 чел. Из них 50 мужчин, 36 женщин и 30 детей. По роду профессиональных занятий население лагеря также было достаточно разнообразно. Так, например, его мужское население составляли 16 бывших кадровых офицеров, 3 бывших военных врача, 1 гражданский врач, 2 интенданта, 1 учитель, 1 священник, 1 художник, 7 студентов, 1 торговец, 1 чиновник, 4 учащихся, 2 портных, 1 бухгалтер, 5 крестьян-земледельцев, 4 юриста. Из 36 женщин – 1 сестра милосердия, 2 городских учительницы, 1 сельская учительница, 4 работницы. Остальные 28 женщин находились при своих мужьях.

Условия проживания русских эмигрантов в лагере «Альтенау» были недостаточно оптимальны. В нем находилась школа, рассчитанная на обучение только 20 детей, в которой работало 10 преподавателей. При лагере существовала и библиотека, книжный фонд которой состоял из 300 книг, но большая их часть находилась в плачевном состоянии. Скучным было и питание выходцев из России. Каждый из них получал по 50 грамм рыбы или мяса в неделю, а горячее питание выдавалось им два раза в указанный срок [24, л. 33–33 об.]. Русские эмигранты проявляли недовольство условиями своего проживания. Так, специальной комиссией 23 ноября 1921 г., возглавляемой полковником Багрянским, был произведен санитарный осмотр лагеря «Альтенау». Ее представители отметили, что помещения, в которых проживают эмигранты, недостаточно хорошо убираются. При этом они не отапливаются каждый день. В комнатах замечено много пыли и паутины. Серьезные нарушения были отмечены и в работе столовой. Бумага на

столах меняется не часто, а в помещении, где осуществляется приготовление пищи, обнаружена пыль. Черпаки, в которых подается пища, поржавевшие и недостаточно вымытые. Прилегающая к лагерю территория завалена бумагой и банками, так как отсутствовали специальные ящики для мусора. Члены комиссии обратились к представителям немецких властей устранить указанные выше недостатки [24, л. 46–46 об].

В начале 1920-х гг. в Германии оказались и остатки разгромленных Советской властью в ходе гражданской войны белогвардейских формирований. Среди них были части эвакуированной с территории Прибалтики Северо-Западной армии, возглавляемой генералом П.М. Аваловым-Бермонтом, группировка донских казаков генерала П.Н. Краснова и др. Как уже отмечалось выше, их представители размещались в лагерях, созданных германским правительством. Наиболее известными из них являлись «Вюнсдорф» и «Квелингбург». В них проживало 10 тысяч солдат и офицеров бывшей Северо-Западной армии генерала П.М. Авалова-Бермонта [25, с. 454]. Офицер выше отмеченного формирования Б. Ланин, проживавший в лагере «Вюнсдорф», писал: «Жизнь в лагере, по единодушным отзывам, сносная. Немецкие власти заботятся о хорошем питании пленных. Пища выдается в достаточном количестве. По сходным ценам пленным продается обувь и платье. Каждый интернированный получает жалование в размере от 4 до 6 марок в день в зависимости от военного чина. Отопление также удовлетворительное. По обоим концам длинного барака поставлены железные печки, отапливающиеся торфом. Этого, конечно, недостаточно. Каждый интернированный до 9 часов вечера имеет право выходить из лагеря, не отходя от него на расстояние, превышающее 3 км. После 9 в места более отдаленные требуется особое разрешение, которое выдается свободно и предъявляется немецкому патрулю при входе и выходе из лагеря» [1, с. 33]. Ухудшение положения русских солдат и офицеров произошло в 1921 г. Это было связано с тем, что германское правительство прекратило выдавать денежные субсидии на содержание лагерей для военных чинов. Аналогичное решение было принято в августе 1922 г. и в отношении лагерей, в которых проживали совместно гражданские и военные лица.

Большую помощь в адаптации на чужбине выходцам из России оказывал и целый ряд русских эмигрантских общественных организаций. Одной из них являлся Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам в Германии (РЗГК). Он был образован в 1921 г. на основе ликвидированного Комитета по делам русских беженцев. Возглавлял его Ф.В. Шлиппе [26, л. 8]. Финансовую помощь эта организация получала от Совещания бывших российских послов через Российский Земско-городской комитет в Париже. С 1923 г. она стала предоставляться напрямую без какого-либо посредничества [2, л. 13]. Направления деятельности данной организации были достаточно разнообразны. В частности, РЗГК активно занимался благотворительностью. Так, по просьбе С.Д. Боткина, была оказана материальная помощь бывшему российскому посланнику в Мексике А.С. Сталевскому, проживавшему вместе со своей сестрой и не имевшему средств к существованию [27, л. 49]. Таких примеров благотворительности в практике организации было немало. Непосредственное участие РЗГК принимал и в решении жилищной проблемы, с которой на чужбине столкнулось большинство русских эмигрантов. В его ведомство германским правительством за незначительную сумму были переданы 2 лагеря-общежития, находившиеся недалеко от Берлина и Ганновера [2, л. 13–13 об].

Одним из приоритетных направлений деятельности РЗГК являлась культурно-просветительская работа. Так, Русскому Комитету беженцев в Баварии его руководство стало ежемесячно выделять 20 000 марок на организацию культурных мероприятий [27, л. 16–17]. Оказывалась поддержка и русским студентам. Из фондов РЗГК им стали регулярно выплачиваться стипендии [2, л. 14 об].

С начала 1920-х гг. происходит активизация политических контактов между Германией и Советской Россией. Сближение обеих стран было продиктовано как внешнеполитическими, так и экономическими расчетами. Благодаря установлению дипломатических отношений с Советской Россией германские правительственные круги рассчитывали ликвидировать последствия международной изоляции, в которой Германия оказалась после заключения Версальского мира 1919 г. К тому же они были заинтересованы в получении сырья для немецкой промышленности [25, с. 442–443], а также в освоении советского рынка посредством его монополизации [28, с. 165]. В развитии отношений были заинтересованы и большевики. Благодаря политическим контактам с немецкой стороной они рассчитывали расколоть единство капиталистических государств Европы, направленное против Советской России. Немаловажным фактором являлось получение кредитов, необходимых для восстановления разрушенной экономики страны [25, с. 433]. Логическим итогом развития советско-германских отношений являлось заключение Рапалльского мирного договора в 1922 г.

Политическое сближение обеих держав существенно осложнило положение русских эмигрантов в Германии. Немецкие власти стали проводить политику жестких мер в отношении выходцев из России, чтобы укрепить доверие советского руководства. Особая активность в данном вопросе была проявлена со стороны высокопоставленного сотрудника Министерства иностранных дел (МИД) Германии М. Шлезингера. Он являлся ближайшим сподвижником главы восточного отдела германского МИДа барона Мальцана, выступавшего за развитие тесных контактов с Советской Россией и имевшего большое влия-

ние на рейхсканцлера К.Й. Вирта [25, с. 437, 439]. М. Шлезингер заявил о необходимости возвращения всех русских эмигрантов из Германии на родину [23, с. 177]. Особое внимание при этом уделялось военнопленным [25, с. 491–492]. Данная инициатива М. Шлезингера была обусловлена тем, что многие русские эмигранты принимали активное участие в капповском и «пивном» путчах [29, с. 288]. Факт активного вмешательства выходцев из России во внутренние дела страны серьезно обеспокоил немецкие власти, и для обеспечения безопасности они были вынуждены выслать их за ее пределы.

Таким образом, из Германии в Советскую Россию в период с 1921 по 1924 гг. было выслано 6000 эмигрантов, половину из которых составляли бывшие русские военнопленные [23, с. 177]. Среди них было немало и гражданских лиц, испытывавших серьезные материально-бытовые проблемы на чужбине и не желавших участвовать в вооруженной борьбе против Советской власти из-за отсутствия ее дальнейших перспектив. Традиции Рапалльского процесса были продолжены подписанием Берлинского договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией в 1926 г. Безусловно, это не способствовало улучшению положения русских эмигрантов.

Однако не только развитие советско-германских отношений побуждало выходцев из России покинуть пределы Германии. Во многом этому способствовали экономические затруднения в 1920-е гг. Кризис 1923 г., вызванный оккупацией Рура французскими и бельгийскими войсками, содействовал усилению инфляции, росту цен и падению заработной платы [30, с. 50–52]. Принятие плана Дауэса в 1924 г. благоприятно отразилось лишь на развитии экспортных отраслей промышленности, а в других – наблюдался значительный спад производства. Существенно возросла и безработица, достигшая в 1927 г. своего пика по сравнению с предвоенными годами [31, с. 152]. Безусловно, немецкие власти пытались ослабить тяготы, испытываемые населением Германии. С июля 1927 г. они стали выплачивать пособие по безработице [10, s. 15]. Развитие вышеотмеченных процессов существенно сказалось на положении русских эмигрантов. Многие из них лишились работы и испытывали серьезные материальные затруднения. К тому же пособие по безработице германские власти стали выплачивать им только с 1929 г. [10, s. 15].

Заключение. Источники формирования русской эмиграции в Германии в 1920-е гг. были достаточно разнообразны. Ряды русской диаспоры пополнялись представителями политических партий, интеллигенции, торговой и промышленной буржуазии, военными, рабочими, крестьянами и др. Основные причины, побудившие их покинуть родину, были следующие: неприятие произошедших на ее территории перемен, а также идеологические разногласия с большевиками, обострившиеся в период НЭПа. Камнем преткновения являлись дальнейшие перспективы развития России. Адаптация русских эмигрантов в Германии в 1920-е гг., несмотря на определенные сложности, проходила в более благоприятных условиях, чем в других странах Европы. Этому способствовало наличие регулярных культурных контактов с Советской Россией, первоначальная поддержка со стороны германских властей, выражавшаяся в создании системы специальных лагерей для выходцев из России. Немаловажное значение имела и помощь, оказываемая им русскими эмигрантскими общественными организациями. Однако по ряду обстоятельств Германия так и не стала для выходцев из России второй родиной. Значительная их часть была вынуждена покинуть ее пределы из-за экономических затруднений и процесса развития советско-германских отношений. Под воздействием последних германские правительственные круги стали проводить политику жестких мер в отношении русских эмигрантов. Этому способствовали и факты вмешательства выходцев из России во внутренние дела Германии, угрожавшие безопасности страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский Берлин / сост. В.В. Сорокина. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. – 365 с.
2. Бюллетень о положении русских белоэмигрантов за границей, 1924 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37.
3. Барихновский, Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции / Г.Ф. Барихновский. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1978. – 160 с.
4. Комин, В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом : учеб. пособие : в 2 ч. / В.В. Комин. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1977. – Ч. 1. – 120 с.
5. Шкаренков, Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. – 3-е изд. – М. : Мысль, 1987. – 236 с.
6. Костиков, В.В. Не будем проклинать изгнание... : пути и судьбы русской эмиграции / В.В. Костиков. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 464 с.
7. Ипполитов, С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. – М. : Изд-во Ипполитова, 2004. – 376 с.
8. Сабенникова, И.В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравн.-типол. исслед. / И.В. Сабенникова. – Тверь : Золотая буква, 2002. – 431 с.
9. Volkmann, H-E. Die russische Emigration in Deutschland. 1919–1929 / H-E. Volkmann. – Würzburg : Hoizner, 1966. – 154 S.
10. Dodenhoeft, S. «Last mich nach Russland heim». Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945 / S. Dodenhoeft. – Frankfurt am Main [etc.] : Lang, 1993. – 338 S.
11. Соничева, Н.Е. На чужом берегу: к истории рус. эмиграции в послеокт. период / Н.Е. Соничева. – М. : Наука, 1991. – 61 с.

12. Александровский, Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта / Б.Н. Александровский – М. : Мысль, 1986. – 374 с.
13. Павлов, Д.Б. Репрессии в отношении членов социалистических партий и анархических организаций в первое пятилетие «пролетарской диктатуры» / Д.Б. Павлов // Меншевики и меньшевизм : сб. ст. / под ред. С.В. Тютюкина. – М., 1998. – С. 69–108.
14. Ленин, В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.И. Курскому / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1982. – Т. 44. – С. 396–400.
15. Тютюкин, С.В. Меншевизм: страницы истории / С.В. Тютюкин. – М. : РОССПЭН, 2002. – 560 с.
16. Проворов, Н. Кому живется весело, счастливо на Руси / Н. Проворов // Двуглавый орел. – 1921. – Вып. 21. – С. 41–48.
17. Генис, В.Л. Невозвращенцы 1920-х – начала 1930-х годов / В.Л. Генис // Вопр. истории. – 2000. – № 1. – С. 46–63.
18. Жданов, Д.Н. Студенческие организации в европейских центрах русской эмиграции и адаптации русского студенчества (1920-е гг.) / Д.Н. Жданов // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; под ред. Ю.А.Полякова, Г.Я. Тарле. – М., 1999. – С. 150–161.
19. Гессен, И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет / И.В. Гессен. – Париж : YMCA-PRESS, 1979. – 286 с.
20. Бочарова, З.С. Документы о правовом положении русской эмиграции 1920–30-х годов / З.С. Бочарова // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М., 1997. – С. 63–70.
21. Назаров, М.В. Миссия русской эмиграции / М.В. Назаров. – Ставрополь : Кавк. край, 1992. – 415 с.
22. Hentschel, V. Die Sozialpolitik in der Weimarer Republik / V. Hentschel // Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik. Wirtschaft. Gesellschaft: SB der Artikel / Red. : K.D. Bracher. – Bonn, 1988. – S. 197–217.
23. Синдеев, А.А. Политика государственных и общественных институтов в вопросах адаптации и ассимиляции российской эмиграции в 1920-х гг. в Германии / А.А. Синдеев // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М., 1999. – С. 173–188.
24. Переписка с белоэмигрантскими и белогвардейскими организациями по защите интересов русских белоэмигрантов в Германии и по оказанию им денежной и материальной помощи. 1920–1921 г. // ГАРФ. – Ф. 6011. Оп. 1. Д. 2.
25. Русская военная эмиграция 20–40-х годов : док. и материалы / Ин-т истории М-ва обороны Рос. Федерации ; сост.: И.И. Басик [и др.] ; редкол.: Золотарев [и др.]. – М. : Гей, 1998. – Т. 1 : Так начиналось изгнание, 1920–1922. Кн. 2 : На чужбине. – 751 с.
26. Протоколы (копии) заседаний Комитета по делам русских беженцев в Германии, 1921 г. // ГАРФ. – Ф. 6007. Оп. 1. Д. 11.
27. Переписка с организациями защиты интересов русских беженцев в Германии, Комитетом помощи русским детям в Германии и другими белоэмигрантскими организациями. 1922–1923 гг. // ГАРФ. – Ф. 6006. Оп. 1. Д. 13.
28. История внешней политики СССР, 1917 – 1985 гг. : в 2 т. / редкол.: А. Громыко, Б. Пономарев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1986. – Т. 1 : 1917–1945 гг. / А. Горев [и др.]. – 1985. – 535 с.
29. Иоффе, Г.З. Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М. : Наука, 1977. – 320 с.
30. Орлова, М.И. Германия 1918–1939 годов : лекции по курсу / М.И. Орлова. – М. : Моск. гос. ун-т, 1973. – 119 с.
31. Шульце, Х. Краткая история Германии / Х. Шульце. – М. : Весь мир, 2004. – 256 с.

Поступила 24.03.2016

FORMATION AND ADAPTATION OF RUSSIAN EMIGRATION IN GERMANY IN THE 1920s

O. MARCHENKO

The article deals with the vital activity of the Russian emigration in Germany in the 1920s. The sources of acquisition of the ranks of its diaspora, as well as reasons for emigrants from Russia to leave the limits of their historical homeland are analysed. Particular attention is paid to lighting the adaptation of Russian emigrants in Germany. The author shows factors indicating that adaptation, in spite of certain difficulties in the early 1920s was held in the country in more favourable conditions than in other European countries. However, its territory did not become the place of residence for the majority of Russian emigrants. They were in search of a better life, so they were forced to go to different parts of the world. It is emphasized that economic difficulties contributed to this process, as well as the facts of interference of Russian emigrants in the internal affairs of Germany, the rapid development of the Soviet-German relations in line with the Rapallo process during this period.

Keywords: Russian emigration, adaptation, legal status, Germany, Soviet Russia, the Soviet-German relations, the emigrant community organizations.